

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Выпуск 3, 2020

EASTERN ANALYTICS
Issue 3, 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 3, 2020

Moscow
2020

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 3, 2020

Москва
2020

Редакция

В. В. Наумкин

(главный редактор)

В. Я. Белокреницкий

(зам. главного редактора)

А. В. Акимов

Н. Ю. Ульченко

И. В. Федулов

Члены редколлегии

А. К. Аликберов

А. Д. Васильев

А. В. Воронцов

А. Д. Воскресенский

А. С. Железняков

И. Д. Звягельская

В. А. Исаев

В. А. Кузнецов

С. Г. Лузянин

Н. М. Мамедова

Д. В. Мосяков

С. А. Панарин

Д. В. Стрельцов

Т. Л. Шаумян

Ответственный редактор выпуска — А. В. Акимов

Редактор статей на русском языке — Е. Ф. Щепилова

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

- Авдаков И. Ю.*
ТРАНСПОРТ ЯПОНИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 7
- Акимов А. В.*
МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ АЗИИ: КРАТКИЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 15
- Бизяев А. И.*
РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В ИЗРАИЛЕ 28
- Борисов М. Г.*
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА
В АЗИАТСКИХ СТРАНАХ. 41
- Борисова Е. А.*
ДОРОГИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. НОВЫЕ ПРОЕКТЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНЗИТА 51
- Грайворонский В. В.*
ТРАНСПОРТ МОНГОЛИИ 61
- Маркарьян С. Б.*
ЯПОНИЯ: ЕСТЬ ЛИ ШАНС ПОДНЯТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА? (АНАЛИЗИРУЯ СТАТИСТИКУ) 71
- Марьясис Д. А.*
БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА ИЗРАИЛЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 87
- Осипова М. Г.*
МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР 101

Растяникова Е. В.
МИРОВОЙ РЫНОК РЕСУРСОВ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ 109

Томберг И. Г.
ТРУБОПРОВОДНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
КИТАЯ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ 131

Семенова Н. К., Аристова Л. Б.
ПОРТ ШАНХАЙ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ 154

Чеснокова С. В.
ТРАНСПОРТ ИНДОНЕЗИИ 179

ПОЛИТИКА

Митрофаненкова О. Е.
МАРШРУТЫ АФГАНСКОГО НАРКОТРАФИКА
(КОНЕЦ XX В. – НАЧАЛО XXI В.) 190

Сарабьев А. В.
ПУЛ-ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
ИЗ АРАБСКОГО МИРА В СТРАНЫ ЕВРОПЫ 202

Федорова И. Е.
К ИРАНО-ИНДИЙСКИМ ОТНОШЕНИЯМ 214

Сарабьев А. В.*

ПУЛ-ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ АРАБСКОГО МИРА В СТРАНЫ ЕВРОПЫ^x

Sarabiev Aleksei**

PULL FACTORS OF LABOR MIGRATION FROM THE ARAB WORLD TO EUROPEAN COUNTRIES

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-202-213

Аннотация: Пул-факторы («притягивающие») трудовой миграции в Европу рассматриваются в применении к мигрантам из арабских стран. Приводятся особенности арабской трудовой миграции и социально-экономической адаптации арабов в Европе. Согласно авторской классификации пул-факторов, они объединены в три группы: факторы этапа выбора, условные доминанты и экстраэкономические. Каждая из групп, или уровней, является предпочтительной для определенной категории потенциальных мигрантов. Выявляются особые характеристики арабских диаспоральных деловых сетей в европейских странах. Описывается подход к трудовым мигрантам, при котором они рассматриваются не только как рабочая сила, но как социальный капитал, востребованный, прежде всего, внутри этих сетей. Проблемы социо-культурной адаптации и экономической интеграции подаются в свете изменений пул-факторов миграции. Ключом к разрешению целого ряда проблем на этом пути является, по мысли автора, движение по направлению вывода деловых сетей арабских диаспор из их объективной самоизоляции, замкнутости их на самих себе и деловых сетях стран происхождения в ответ на незнакомую, а порой и замкнутую деловую среду в странах пребывания.

Ключевые слова: пул-факторы, миграция в Европу, арабские диаспоры, иммигрантские деловые сети, социальная адаптация, экономическая интеграция.

Abstract: Pull factors (“attracting”) of labor migration to Europe are considered in application to migrants from Arab countries. Features of Arab labor migration and socio-economic adaptation of Arabs in Europe are given. According to the author’s classification of pull factors, they are grouped into three groups: selection stage factors, conditional dominants, and extra-economic factors. Each of the groups, or levels, is preferred for a certain category of potential migrants. Special characteristics of Arab Diaspora business networks in European countries are revealed. The author describes an approach to labor migrants, in which they are considered not only as a labor force, but as social capital, which is in demand, first of all, within these networks. The problems of socio-cultural adaptation and economic integration are presented in the light of changes in the pull factors of migration. The key to solving a number of problems along this path is, according

---

* Сарабьев Алексей Викторович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВРАН; e-mail: alsaraby@ivran.ru. ORCID: 0000-0002-9796-2411.

** Sarabiev Aleksei – PhD (History), Leading Research Fellow of the Centre of Arabic and Islamic Studies, IOS RAS; e-mail: alsaraby@ivran.ru. ORCID: 0000-0002-9796-2411.

^x Статья написана по гранту РФФИ: проект 19-18-00251, «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций», МГИМО МИД России.

to the author, moving towards the withdrawal of business networks of Arab diasporas from their objective self-isolation, their focus on themselves and the business networks of their countries of origin as well in response to the unfamiliar and sometimes closed business environment in the host countries.

Keywords: pull factors, migration to Europe, Arab diasporas, immigrant business networks, social adaptation, economic integration.

Массовая миграция в Европу, а особенно не прекращавшаяся трудовая миграция, является важнейшим экономическим феноменом, влияющим на множество статистических показателей. Однако в последние годы все большее внимание исследователей привлекает социальный аспект миграции, связанный с его экономически эффектом, поскольку напрямую влияет на миграционную политику разных стран Евросоюза как база для обоснования тех или иных решений в этой сфере. Среди многообразия составляющих социально-экономического аспекта выделяется такой, которому посвящается пока сравнительно немного работ ввиду повышенной актуальности других тем, и особенно квотирования норм приема и условий адаптации беженцев с «глобального Юга» (или с Востока). Это вопрос «притягивающих» факторов, или пул-факторов трудовой миграции.

Нас будет интересовать арабская миграция, которая не теряет своей интенсивности в европейские города [World Bank, 2020]¹. Растут и денежные переводы трудовых мигрантов из арабских стран на историческую родину². Конечно, дифференциация миграции арабов из Северной Африки (Магриба) и Западной Азии (Машрика) очень ощутима – не только в экономическом, но и в социальном отношении. Соответствующие диаспоры в Европе очень различаются по своим характеристикам, однако, что касается трудовой миграции и конкретно параметров, воздействующих на выбор потенциальным мигрантом страны назначения, общие механизмы оказываются сходными. В основе лежит стремление улучшить благосостояние (личное или семьи), перемещаясь в более благоприятные условия из условий с низким уровнем возможностей – по абсолютным показателям или относительным. К последним можно относить уровень относительной депривации или уровень дифференциации доходов населения (например, индекс Джини).

Итальянские ученые, опираясь как раз на работы Коррадо Джини, приходили к выводу относительно обусловленности иммиграции не только пуш-факторами в странах исхода, но в значительной степени пул-факторами социального характера в странах назначения. Теоретизация при этом связана, как ни парадоксально, с определенными кризисными явлениями в странах

¹ Даже в целом мусульманский мир все еще считает Европу довольно привлекательной для переселения. Известно, что европейские страны (15 государств Европы), по данным на 2017 г., принимали 26,4 % мигрантов из стран ОИС от общего потока иммигрантов в эти страны, тогда как доля, выбравших Европу целью переезда эмигрантов из стран ОИС была 31,4 % [Tausch, 2019, p. 96, 97].

² Увеличение переводов отмечается и в прессе. См., например: <https://www.alarabiya.net/ar/aswaq/economy/2020/01/30/2019-في-1-تحويلات-المغتربين-الأردنيين-1>.

назначения. Они пишут об условиях притяжения мигрантов в момент прохождения пиковых фаз социальных циклов (в соответствии с циклической теорией популяций Джини): «Критическая фаза, когда традиционная неспособность элит поддерживать население усиливается вследствие кризиса, связанного с группами с высоким уровнем рождаемости, может привести к вымиранию населения в замкнутой системе. Однако в открытой системе это может активировать (при соблюдении некоторых условий) начальную фазу иммиграции по “притягивающему типу” (the “pull-type” in-migration threshold)» [Manfredi, Micheli, 2015, p. 28].

Обычно, конечно, пул-факторы не связаны с кризисными явлениями. Но нередко подход к их выявлению оказывается высоко генерализованным. Обычно исследователи заходят «сверху», оценивая реакцию потенциальных иммигрантов на меры по отношению к ним государства, экономические условия для ведения дел, настрой со стороны общества. Так, автор одной из глав книги о драйверах миграции Мари Маколифф перечисляет следующие пул-факторы: политика в отношении переселенцев в стране назначения, насколько приветливая встреча уготована беженцам в этих странах, экономическое состояние принимающей страны, наличие там соответствующих диаспор и сообществ [McAuliffe, 2017, p. 103–104].

Более полное выявление и осмысление пул-факторов миграции могут дать (1) учет особенностей диаспор и форм адаптации в новой среде приложения труда и (2) внимание к восприятию самой личности привлекающих условий труда в эмиграции.

Среди особенностей арабских диаспор в европейских городах выделяется высокий уровень групповой сплоченности и определенной деловой изолированности, особенно если сравнивать с такими историческими диаспорами, как китайская, индийская и т. п. Конечно, не только для арабов, но и для всех иммигрантов первоначальный культурно-языковой шок, как правило, является барьером на пути к социальной адаптации и интеграции в местные трудовые отношения. Однако в плане экономической активности он может выступать важным импульсом: вливание в знакомую культурно-языковую среду диаспоры сопровождается вовлечением (главным образом, мужчин) в диаспоральные деловые сети. При высоком уровне сплоченности и изолированности арабских диаспор прибывающие иммигранты почти гарантированно получают место работы в относительно комфортных условиях в чужой стране: знакомые или даже родственники в окружении, знакомый формат деловых взаимоотношений, знакомый круг взаимных обязательств и взаимопомощи.

Диаспоры, насчитывающие несколько поколений, обладают развитой собственной деловой сетью – относительно изолированной как от представителей других диаспор, так и от деловых сетей принимающего общества. Действительно, диаспоральные общины (этнические анклав) могут обеспечить первоначальный экономический успех, люди в них, как правило, держатся

вместе и поддерживают бизнес друг друга. Исследовательница из Бремена Анна-Лена Бунсе пишет: «Большинство предпринимателей-мигрантов первого и второго поколений, которые находятся в этническом анклаве, при создании собственного бизнеса больше ориентируются на уже созданные предприятия в своем сообществе... Одним из основных факторов успеха и развития бизнеса является язык, и преимущество этнических анклавов в том, что общение происходит проще и в более короткие сроки. Кроме того, хорошее взаимопонимание обеспечивается и культурной общностью. Тем не менее, поскольку язык в этническом анклаве в основном является родным языком, это затрудняет интеграцию в принимающее общество, снижается необходимость говорить на его языке, иммигрант “зажат” в своем этническом сообществе. [Такая зажатость] может оказать негативное или отталкивающее влияние на потенциальных местных клиентов» [Bunse, 2019, p. 8].

Разница в уровне сплоченности арабских диаспор и европейских обществ представляет собой еще одну из характеристик, затрудняющих взаимопонимание, а следовательно, и интеграцию арабов. Западные общества с меньшим внутренним взаимодействием и меньшей сплоченностью затрудняют иммигрантам вхождение в эти социумы, наблюдается недопонимание и недоумение иммигрантов все более и более открывающимися различиями между ними [Akmir, 2015].

Это своеобразие арабских диаспор в Европе не вполне уникально, но достаточно важно, чтобы его учитывать при анализе факторов миграционной активности. Его можно назвать «эффектом группы (общины)» и определить как полную вовлеченность в жизнь соответствующих земляческих (по странам происхождения) групп, диаспор. В пользу этого понятия говорят данные экспресс-опроса европейских иммигрантов-арабов, проведенного автором в августе 2020 г. Опрошенные отмечали ограниченность трудовой активности иммигрантов рамками диаспоры. На начальном этапе этот эффект облегчает адаптацию вновь прибывших, впоследствии он дает некоторое ощущение защищенности, но по мере перехода трудовой миграции в режим долгосрочной, он сильно ограничивает размах предпринимательской активности той привычной деловой сетью внутри страны пребывания, которая сформировалась, например, у египтян, марокканцев, иракцев, сирийцев – по-отдельности. С большим трудом такие деловые сети переходят границы даже стран Евросоюза, а тем более – Европы.

Впрочем, «эффект группы» проявляется и на других уровнях. На этапе принятия решения о трудовой эмиграции это могут быть взаимоотношения с группами мигрантов – консультации по условиям пребывания, деловые связи, обсуждение трудоустройства и т.п. Как правило, такие контакты идут с представителями моноэтнической и даже земляческой диаспоры. На этапе реализации намерений потенциальных трудовых мигрантов «эффект группы» может в контактах «инфраструктурного» характера: это могут быть родственные или дружеские связи с группами, влияющими на выбор воплощения

решения эмигрировать, контакты с целью сбора необходимой для отъезда информации, может наблюдаться влияние сетей и агентов, задействованных в переправке людей за рубеж (в том числе людская контрабанда или нелегальный транзит) [McAuliffe, 2017, p. 117, 123].

Как бы «спускаясь» к действию факторов трудовой миграции все ближе к отдельной личности потенциального мигранта, причины привлекательности трудовой миграции можно распределить по типам или уровням.

Пул-факторы первого уровня – *факторы этапа выбора*:

- приемлемая политика в отношении иммигрантов в стране назначения,
- высокая степень терпимости к мигрантам-арабам со стороны местного населения,
- хорошие экономические возможности принимающей страны,
- наличие там соответствующих диаспоральных сообществ и занимаемых ими экономических ниш.

На этом уровне принятия решения большое значение в выборе страны назначения имеет следующие соображения: «Страна принимает / не возвращает обратно беженцев»; «Моя семья сможет последовать за мной в эту страну впоследствии»; «Там есть работа»; «Туда легче всего выехать»; «Там много наших (родственники, диаспора, община)»; «Там безопасно» [McAuliffe, 2017, p. 122].

Из тех, кто руководствуется в своем выборе только этими пул-факторами, в основном оказываются трудовые мигранты следующих условных групп: первичные эмигранты (новички), спонтанные эмигранты, настроенные на трудовую деятельность беженцы.

Пул-факторы второго уровня, определяемые как *условные доминанты*:

- родственный/семейный бизнес в стране назначения,
- гарантированные сезонные работы или вахтовый режим (маятниковых миграций),
- хорошие условия ведения бизнеса, легкость регистрации предпринимательства и дальнейшей натурализации.

Те, кто едет за рубеж, привлеченные этими факторами, – это, как правило квалифицированные специалисты или опытные коммерсанты, родственники успешных эмигрантов, ориентированная на работу в Европе арабская молодежь.

Пул-факторы третьего уровня – *экстраэкономические («экзистенциальные»)*:

- конфессиональная, этническая, религиозно-культурная близость мощной диаспоры («своя» среда),
- историчность диаспоры (часто предполагает наличие у нее традиционной экономической ниши),
- множественность примеров социальных лифтов для иммигрантов³,

³ Наиболее яркий пример, правда, дает не Европа, а Латинская Америка, где выходцы из Ливана, например, становились президентами, премьерами, богатейшими людьми планеты.

- возможность получения пособий, либертариизм нравов и терпимость со стороны принимающего общества.

Последний набор является, хотя и важным, но психологическим дополнением к остальным факторам для «чистых» трудовых мигрантов, для которых землячество, общность конфессионального исповедания или общая принадлежность к малой народности или этноконфессиональной группе (армяне-григориане, алавиты, копты, сенуситы) в арабской среде много значат. В то же время исключительно этими факторами привлекаются такие мигранты, готовые к определенной деятельности за рубежом, как, например, религиозные деятели, ищущие свободы выражения творческие натуры, а также люди авантюрного склада и даже сибариты.

Возможно, к последней группе факторов следует отнести и привлекающие многих арабов-эмигрантов возможности свободного выражения своих оппозиционных политических позиций. Поскольку арабский оппозиционер в эмиграции, не занимающийся бизнесом – явление почти небывалое, этот дополняющий фактор трудовой миграции (экстраэкономический) остается немаловажным. Конечно, ведущим при этом является не идейный компонент (политические свободы, идеологическое своеобразие и т.п.), а вполне материальный. Для многих протестный пафос эмиграции стал лишь поводом к эмиграции в более благоприятную в материальном отношении среду. Так, иорданский исследователь из Ярмукского университета в Ирбиде пишет о привлекательности европейских государств для мигрантов из стран «арабской весны», которые видят в принимающих странах, своего рода, «землю обетованную». Он замечает, что эти страны «являются стабильными в политическом отношении и в плане безопасности, и их экономические условия превосходны по сравнению со странами происхождения; возвращение иммигрантов в страну происхождения маловероятно» [Bani Salameh, 2019, p. 249].

Едва ли имеет смысл пытаться детально раскрыть значение каждого из указанных выше факторов, определяющих выбор жителя какой-либо из арабских стран в пользу трудовой эмиграции в Европу. Они более-менее понятны, и значение нашего научного обобщения заключено не в них по-отдельности, а в группировании их по этапам и принципам принятия решений. Важнее будет остановиться на подходах к привлечению трудовых мигрантов в европейские города, а также на факторах-«маргиналиях», то есть малозначимых, на первый взгляд, но порой перевешивающих выбор причинах.

Интересный результат дает неожиданный подход к трудовым мигрантам не как собственно к рабочей силе, а как социальному капиталу. Пока такой подход характерен, в основном, для анализа предпринимательских сетей мигрантов, где считается, что социальный капитал является «одним из основных факторов успеха и развития бизнеса, при его наличии внутри сети выгода из деловых отношений извлекается гораздо легче» [Bunse,

2019, р. 50]. Сторонники такого подхода полагают закономерным, что «предприниматели-мигранты заинтересованы в большем социальном капитале, чтобы извлечь максимальную выгоду из бизнеса в стране пребывания, причем первостепенной является готовность к накоплению социального капитала» [Bunse, 2019, р. 50]. И это то, что касается самих диаспоральных бизнес-сообществ, которые обладают большим потенциалом внутренней саморегуляции. Но можно выявить признаки такого подхода и в действиях властей государств-реципиентов.

Например, Германия на уровне федерального правительства предпринимает меры привлечения иностранных специалистов, а с 1 марта 2020 г. ввела ускоренную регистрацию для квалифицированных иностранных работников. Германские власти особенно поощряют долгосрочную миграцию высококвалифицированных специалистов. Декларативно это выражается следующей официальной информацией: «Люди, которые приезжают в Германию в качестве специалистов, должны стать частью общества и иметь надежную перспективу своего будущего в Германии. Поэтому специалисты с иностранной квалификацией, проработавшие в Германии четыре года, могут получить вид на жительство, а если их профессиональное обучение или ученая степень были завершены в Германии, вид на жительство может быть выдан после двух лет работы». В практическом отношении власти привлекают социальный капитал, поощряя воссоединение семей таких иностранных специалистов. При этом для супругов специалистов, имеющих вид на жительство (или обладателей «Голубой карты ЕС», ИКТ-карты, то есть временных европейских ID), не требуется даже владение немецким языком [Arbeitsmigration, 2020].

Степень легкости условий воссоединения семей трудовых мигрантов вообще можно считать одной из важнейших при выборе страны пребывания арабскими гастарбайтерами. Авторы тематического сборника работ итальянских ученых также отмечают, что одним из главных пул-факторов иммиграции в Италию был ее мягкое миграционное законодательство, в частности, возможность для трудовых иммигрантов претендовать на воссоединение семьи [Labour..., 2018, р. 31].

В федеральных землях Германии приветствуются (особенно с августа 2012 г.) иммигранты-предприниматели и самозанятые, но при регистрации они должны обосновать свои инновационные идеи и бизнес-планы, должны иметь возможность основывать компании в Германии и помогать создавать новые рабочие места. Что важно, нет общих требований к минимальным суммам инвестиций и минимальному количеству создаваемых рабочих мест, а фрилансерам может быть предоставлено право на проживание даже на более простых условиях [Arbeitsmigration, 2020].

Германские федеральные власти также приветствуют иммигрантов, въезжающих для неквалифицированной или низкоквалифицированной работы, например сельскохозяйственных сезонных работ и в сфере общепита (правда, до 6 месяцев в году). Арабские страны пока не стоят в списке специальных

трудовых соглашений Германии со странами «третьего мира» по этим низкоквалифицированным работам. Причиной тому, скорее всего, служит легкость достижения мигрантами тех же целей (обосноваться в европейской стране и начать работать легально или нелегально) путем выбора иного статуса, например «лиц, ищущих убежища».

В этом плане важно отметить такой феномен как неформальные предпринимательские сети, которые нередко обладают запросом на незарегистрированные трудовые ресурсы, причем не столько по причине их дешевизны, сколько – лояльности, преданности, надежности. Под эти признаки попадают, по логике вещей, земляки, родственники, единоверцы, как минимум. Как передавала упомянутая исследовательница иммигрантских сообществ Бремена, арабские предприниматели-мигранты подчеркивают, что для них важно иметь ряд сетевых партнеров, и создаваемые ими деловые сети оказываются достаточно велики. Поскольку они, как правило, неформальные, их внутренние контакты неочевидны как контакты сетей предпринимателей-иммигрантов [Bunse, 2019, p. 53]. Тем не менее, информация о таких сетях и от входящих в них предпринимателей с легкостью доходит до их земляков в арабских странах, являясь очевидным стимулом в пользу решения о трудовой миграции в Европу.

Кроме того, многие арабские деловые сети в Европе находятся в тесном контакте с бизнес-сообществом своих родных стран. Это свойство придает им частичный транснациональный характер. Поскольку трудовые иммигранты действуют отнюдь не в социальном вакууме, – как пишет итальянская исследовательница предпринимательства иммигрантов, – их экономические действия взаимосвязаны с социальным контекстом: будучи вовлеченными в транснациональный образ жизни, они создают множество социальных позиций: в частности, они бывают включены в структуру возможностей принимающей страны. И это заставляет учитывать «не только укорененность мигрантов в социальных сетях, но и их укорененность в социально-экономической и политико-институциональной среде страны пребывания». [Lintner, 2018, p. 6].

С точки зрения социального капитала иммигранты-предприниматели иногда даже рассматриваются «как социально передовые (*socially innovative*), поскольку они развивают новую динамику, новые организационные механизмы и новые условия жизни и труда» [Lintner, 2018, p. 15]. Такого взгляда придерживается, конечно, достаточно узкий круг исследователей, однако сам отправной момент – рассматривать деловые сети иммигрантов из арабского мира как мобильно реагирующую и динамичную, хотя и относительно изолированную систему – заслуживает внимания.

Попытки выявить положительные моменты в иммигрантских предпринимательских инициативах приводят власти некоторых европейских стран к мысли о возможности своего рода экспериментов. Так, в Швейцарии с ее консервативным и даже охранительным отношением к вопросу иммиграции были

получены интересные данные экономического эффекта от положительных решений о натурализации иммигрантов целевой группы. По сути, речь шла об экономической интеграции иммигрантов, и получение ими швейцарского гражданства стимулировало их деловую активность, что позволило увеличить их годовой доход в среднем примерно на 5 тыс. долл. в течение последующих 15 лет. Авторы этой необычной инициативы делают вывод, что успешная интеграция иммигрантов служит «экономической выгоде их принимающих стран и укреплению их гражданского общества», при этом «центральное место в интеграции занимает вопрос доступа иммигрантов к гражданству принимающей страны [Hainmueller et al., 2019]. Впрочем, есть и иное мнение: в социальных контактах иммигрантов, даже в случае получения ими иностранного гражданства, ничего не меняется, и они продолжают рассматриваться на новой родине как граждане второго сорта [Bani Salameh, 2019, p. 249].

Приведенный выше вывод швейцарских ученых интересен сам по себе, но в применении к нашей теме он получает новое звучание: не только облегчение натурализации в европейской стране, но и положительный экономический эффект от этого для иммигрантских семей могут служить факторами, усиливающими притягательность европейской трудовой иммиграции. Для арабских стран, особенно стран так называемой «арабской весны», они могут существенно подстегнуть миграцию – со всем присущим ей проблемным рядом. Конструктивным моментом в этом дополнительном усилении пул-факторов остается то, что натурализация может способствовать выходу из обособления деловых сетей иммигрантов, иными словами – экономической интеграции в полном смысле слова.

Не только в отношении социальной адаптации, но и экономической интеграции также остаются преграды, не позволяющие арабским иммигрантам в Европе «обрастать» обычными связями и естественными дружескими узами за пределами своих диаспор. Главным из препятствий, на наш взгляд, выступает разное отношение к родственным связям в преломлении взаимной ответственности и обязательств, в том числе в деловых контактах. Для арабов семья в широком смысле (то есть, любые родственные отношения, «большая» семья) может выступать, в том числе, в качестве кадрового ресурса для бизнеса, где уровень лояльности и ответственности высок по определению. В иммигрантских кругах это качество проявляется наиболее отчетливо. Именно поэтому ситуация сущностного недопонимания, когда «обычай и традиции этих иммигрантов, особенно в социальных и семейных, а также вопросах роли и прав женщин, полностью противоречат тем, что преобладают в принимающих обществах» [Akmir, 2015], могут тормозить и деловую активность, их трудовую деятельность вообще. Такое «замыкание» наиболее консервативных иммигрантских групп может подталкивать к паразитическому образу жизни (на пособия) или же к радикализации настроений, что имеет уже тревожное звучание на уровне европейской безопасности [Bani Salameh, 2019, p. 249].

Действующие на потенциальных арабов-эмигрантов «выталкивающие», пуш-факторы не ослабевают своего давления, принимая все новые формы и включая все новые социальные группы. Новые очертания принимают и пул-факторы. Это отмечали исследователи еще на пике арабского «поствсеннего» синдрома, в разгар крайнего религиозного радикализма в арабском мире: «На другом конце уравнения находятся факторы притяжения в принимающих государствах Европы. Традиционно либеральная политэкономия Европы была по-настоящему притягивала: те европейские государства, которые предлагали щедрые нормы признания убежища и доступ к рынку труда, привлекали большинство новичков. Но мигранты больше не притягиваются этими факторами. Вместо этого выбор места назначения определяется наличием диаспоральных общин и сетей, простирающихся до их родины. Эти сети влияют на то, каким образом переселенцы попадают в Евросоюз и в какие страны они направляются» [Parkes, 2015, p. 3].

Продолжая мысль, цитируемый автор делает и более широкие обобщения: «Проще говоря, больше нельзя считать, что мигрантов привлекает в первую очередь западный либерализм. Многие диаспоры поддерживают сильные социальные сети на своей родине, не обязательно продвигая западные либеральные стандарты. Они также могут импортировать идеологические конфликты со своей родины в европейские общества, особенно при отсутствии надежной интеграционной политики» [Parkes, 2015, p. 3–4].

Если под «либеральными стандартами» понимать экономический аспект миграции, например, хорошие условия для открытия и ведения бизнеса, то перед нами трансформация или смещение акцентов пул-факторов второго уровня (условных доминант). Мигрантов привлекает не столько сами европейские условия, а возможность перенесения собственных социальных и деловых моделей на европейскую почву. Если раньше иммигранты создавали свои деловые сети и пытались встраивать их в экономические связи европейской страны, то теперь все более наблюдается эксплуатация привлекательных европейских условий для насаждения (инсталлирования) уже готовых деловых сетей, функционирующих по своим, не близким европейцам стандартам. Иными словами, налицо постепенное перетекание смысла эмиграции в Европу с целью заработка: на место заинтересованности в экономической интеграции заступает выяснение возможностей экономической экспансии.

Именно этим чревато бездействие со стороны принимающих стран Европы в отношении экономической интеграции иммигрантских сообществ арабского происхождения. Конструктивные моменты от привлечения трудовых мигрантов должны быть использованы ответственными европейскими структурами, но с учетом изменившихся условий. Вывод из объективной самоизоляции иммигрантских сообществ, замкнутости их на себе может быть стратегическим решением, которое позволит решить многие попутные задачи, в том числе, не относящиеся к сфере экономики.

Литература

Akmir, Abdelouahed. European Arabs: identity education and citizenship // *Contemporary Arab Affairs*, Vol. 8, No. 2, 2015. Doi: 10.1080/17550912.2015.1016762.

Arbeitsmigration. Bundesministerium des Innern, fuer Bau und Heimat, Deutschland, 2020. URL: <https://www.bmi.bund.de/DE/themen/migration/zuwanderung/arbeitsmigration/arbeitsmigration-node.html> (accessed date – 23.05.2020).

Bani Salameh, Mohammed T. Migration from the Arab Spring Countries to Europe: Causes and Consequences // A. Al-Masri and K. Curran (eds.). *Smart Technologies and Innovation for a Sustainable Future, Advances in Science, Technology & Innovation*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01659-3_28. P. 243–254.

Bunse, Anna-Lena. *Migrant Entrepreneurship Network Structures*. Springer Gabler, 2019. 193 p.

Hainmueller, Jens; Hangartner, Dominik; Ward, Dalston. The effect of citizenship on the long-term earnings of marginalized immigrants: Quasi-experimental evidence from Switzerland // *Science Advances*, 4 Dec 2019, Vol. 5, no. 12. DOI: 10.1126/sciadv.aay1610.

Labour Migration in Europe. Vol. I: Integration and Entrepreneurship among Migrant Workers – A Long-Term View / ed. by Francesca Fauri, Paolo Tedeschi. Palgrave Macmillan, Pivot, 2018. 129 p.

Lintner, Claudia. “If I have to clean, I clean my own shop”: Migrant entrepreneurship as a form of emplacement in times of crisis: The example of Italy // *Ethnicities*, 2018. P. 1–19. Doi: 10.1177/1468796818774812.

Manfredi, Piero; Micheli, Giuseppe Annibale. Some un-noticed insights in Gini’s cyclical theory of populations // *Genus*, Vol. 71, No. 2–3: The legacy of Corrado Gini in population studies (May-December 2015). P. 7–28.

McAuliffe, Marie. Seeking the views of irregular migrants: Decision-making, drivers and migration journeys // *A Long Way to Go: Irregular Migration Patterns, Processes, Drivers and Decision-making* / McAuliffe, Marie; Koser, Khalid (eds.). ANU Press, 2017. P. 103–140.

Parkes, Roderick. Migration: new ‘push’ and ‘pull’ dynamics // *European Union Institute for Security Studies*. Nov. 1, 2015. P. 1–4.

Tausch, Arno. Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects // *Jewish Political Studies Review*, Vol. 30, No. 1/2, 2019. P. 65–225.

World Bank. *Monthly Remittance Flows to Selected Countries, July 2020*. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/10/703901444752479939/Monthly-Remittances-Public.xls>, (accessed date – 22.07.2020).

References

Akmir, Abdelouahed. (2015). European Arabs: identity education and citizenship. *Contemporary Arab Affairs*, Vol. 8, No. 2, 2015. Doi: 10.1080/17550912.2015.1016762.

- Arbeitsmigration. (2020). Bundesministerium des Innern, fuer Bau und Heimat, Deutschland, 2020. URL: <https://www.bmi.bund.de/DE/themen/migration/zuwanderung/arbeitsmigration/arbeitsmigration-node.html> (accessed date – 23.05.2020).
- Bani Salameh, Mohammed T. (2019). Migration from the Arab Spring Countries to Europe: Causes and Consequences. In: *Smart Technologies and Innovation for a Sustainable Future, Advances in Science, Technology & Innovation*, ed. by A. Al-Masri and K. Curran. Springer Nature Switzerland AG. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01659-3_28. P. 243–254.
- Bunse, Anna-Lena. (2019). *Migrant Entrepreneurship Network Structures*. Springer Gabler.
- Hainmueller, Jens; Hangartner, Dominik; Ward, Dalston. (2019). The effect of citizenship on the long-term earnings of marginalized immigrants: Quasi-experimental evidence from Switzerland. *Science Advances*, 4 Dec, Vol. 5, no. 12. DOI: 10.1126/sciadv.aay1610.
- Labour Migration in Europe. (2018). Vol. I: Integration and Entrepreneurship among Migrant Workers – A Long-Term View, ed. by Francesca Fauri, Paolo Tedeschi. Palgrave Macmillan, Pivot.
- Lintner, Claudia. (2018). “If I have to clean, I clean my own shop”: Migrant entrepreneurship as a form of emplacement in times of crisis: The example of Italy. *Ethnicities*. Pp. 1–19. Doi: 10.1177/1468796818774812.
- Manfredi, Piero; Micheli, Giuseppe Annibale. (2015). Some un-noticed insights in Gini’s cyclical theory of populations. *Genus*, Vol. 71, No. 2–3: The legacy of Corrado Gini in population studies (May-December). Pp. 7–28.
- McAuliffe, Marie. (2017). Seeking the views of irregular migrants: Decision-making, drivers and migration journeys. In: *A Long Way to Go: Irregular Migration Patterns, Processes, Drivers and Decision-making*, ed. by McAuliffe, Marie; Koser, Khalid. ANU Press. Pp. 103–140.
- Parkes, Roderick. (2015). Migration: new ‘push’ and ‘pull’ dynamics. European Union Institute for Security Studies. November, 1. Pp. 1–4.
- Tausch, Arno. (2019). Migration from the Muslim World to the West: Its Most Recent Trends and Effects. *Jewish Political Studies Review*, Vol. 30, No. 1/2. Pp. 65–225.
- World Bank. (2020). Monthly Remittance Flows to Selected Countries, July. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/pubdocs/publicdoc/2015/10/703901444752479939/Monthly-Remittances-Public.xls>. (accessed date – 22.07.2020).